

Настоящие приключения

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВИТЬКИ И ГЕНКИ:

«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах
Челюсти – гроза округи. Секреты успешной рыбалки
Лесной экстрим. В погоне за снежным человеком
Супербой, Маньяк и Робот. Герои школьного вечера
В школе юных скаутов. Поиски клада
Искусство требует жертв. Видеокалип на «отлично»
«Т-34». Памятник forever

РАССЛЕДОВАНИЯ ФЕЛИКСА КУРОПЯТКИНА:

Вампир из Мексики
Жмурик-проказник
Стеклянная рука
Ночь летающих гробов
День повелителя пираний
Спасти Элвиса
Капкан на оборотня

ИСТОРИИ ИЗ БУДУЩЕГО:

Остров последнего злодея
Кошмар с далёкой планеты
Черничная Чайка
Планета чудовиш

Эдуард Веркин

Ночь летающих гробов

МОСКВА 2017

УДК 821-161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *Виктории Тимофеевой*

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Ночь летающих гробов / Эдуард Веркин. —
Москва : Эксмо, 2017. — 160 с. — (Настоящие
приключения. Повести для подростков Эдуарда
Веркина).

ISBN 978-5-699-91068-7

Жил да был один гробовщик. Жил-жил — и помер. А завещание оставил вот какое: наследство получит тот родственник, который три ночи подряд простоит возле его гроба, читая вслух «Илиаду». Шутник... Да только не до смеха было Матвейке — его несчастному племяннику. Ведь мама Матвейки не выдержала в жутком подвале даже ночи, и ее увезли в больницу. Что уж говорить о восьмилетнем мальчишке? К счастью, Матвейка догадался попросить о помощи знаменитых борцов с нечистой силой — Тоску и Куропяткина...

УДК 821-161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91068-7

© Веркин Э., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Звонок по делу

Яблоки, яблоки, яблоки...

Кругом одни яблоки. Крупные, твёрдые, такое в башку клюнет — ни один Ньютон не очухается. Много яблок, тысячи, может, миллионы. Весь мир наполнен яблоками. Если съесть много яблок, будет заворот кишок. Много яблок есть нельзя, но очень хочется. Очень. Кусаетшь, сок разлетается в разные стороны. Оп-па...

Кто это так неприятно чавкает? Неприятно знакомо чавкает. Все ближе, ближе. Бах! Мордочка с усами. Это же... Морская свин-

ка!!! Как?!! Я же её вроде бы убил. Подбросил к самому солнцу, она и сгорела... Нет жива-живёхонька, ползёт прямо на меня. И зубы стали вроде бы даже... больше. Мне страшно. Пытаюсь бежать, бегство — лучший способ общения с этими гадами... Но ноги вязнут, воздух какой-то резиновый, через него невозможно пробиться.

Когда воздух становится окончательно непроницаемым, я понимаю, что это сон. Кошмар. Меня бесят кошмары, из них тяжело выбираться. Лучший способ разделаться с кошмаром — как следует разозлиться. Если тебе снится оборотень, который собирается тобой полакомиться, — разозлись как следует. Прыгни на него, ощерив зубы, вцепись ему в глотку — и оборотень сразу испугается. А ты проснёшься. Кошмары любят пугать тебя, но когда ты их пугаешь — они отступают.

Поэтому я мгновенно разозлился, оскалился и представил, как у меня самого выползают здоровенные, в карандаш длиной, зубы. Как отрастает шерсть, искривляются пальцы, а мозг наполняется яростью.

Эдуард Веркин

Принятые мною меры подействовали почти мгновенно — морская свинка вдруг взлетела куда-то вверх и лопнула, превратившись в один сплошной звук.

Чпок-к-к!!!

Дзин-н-нь!!!

Нагло и настойчиво.

Дзинь!!!

Звонок в дверь — наконец разобрался мой не совсем проснувшийся мозг. Он же подсказал, что так по-дурацки может трезвонить только один человек.

Тоска.

Тоска, старушка Тоска. В смысле Тоська, Тонька, Антонина. Смахнув остатки сладкого послеобеденного сна и слюну с подбородка, я побежал открывать дверь.

— Всё дрыхнешь, Куропяткин, так всю жизнь проспешь, — не здороваясь и не разуваясь, Тоска прошла прямо в комнату и с гордым видом уселась в моё любимое кресло.

Я поморщился — недавно я постелил на пол ковёр ручной работы девятнадцатого века, почти новый, почти не побитый молю

Ночь летающих гробов

(нашёл в одном заброшенном доме с привидениями). А такой ковёр никак не терпит дурацких противотанковых сапожищ, в которых по старой привычке продолжала щеголять Тоска.

— Во-первых, послеобеденный сон — залог любой успешной деятельности, — сказал я. — А во-вторых, если к снам серьёзно относиться, то можно много полезной информации почерпнуть, например будущее увидеть.

— Ну и что тебе предсказала твоя сие-ста? — ухмыльнулась Тоска. — Какое нас ожидает будущее? Надеюсь, светлое?

Тоска — не Тоска без язвительного замечания.

— Пока сказать трудно, но я обязательно проанализирую увиденное и ознакомлю тебя с выводами, которые сделаю. Уж не стану обременять твой заостенелый мозг сырым материалом.

— Свой смотри чересчур не обремени, — огрызнулась Тоска. — Я пришла к тебе с радостным известием. Нашим консорциумом...

— Чем?

Эдуард Веркин

— Консорциумом, — ответила Тоска. — То есть совместным предприятием на дружеских основаниях.

— Понятно. Литературку изучаем? Краткий словарь иностранных слов?

— Иногда мне хочется тебя убить, — сказала Тоска. — Вморозить, к примеру, в лёд. Правда, вмораживать в лёд как раз тебя не надо бы, так ты ещё сохранишься на миллион лет. Какие-нибудь пришельцы тебя разморозят, и порядок во Вселенной окажется под угрозой... Лучше тебя, Куропяткин, испарить...

— Я тебе потом книжку дам на дискете. Называется «Пытки в ареале восточных цивилизаций». Очень, скажу тебе, занимательное чтение. Там описываются, например, тридцать восемь приёмов для отделения головы от тела, все с иллюстрациями...

— Хватит, — отрезала Тоска. — У меня времени мало, а ты, как всегда, чушь несёшь.

— Извините, сударыня, университетов не заканчивали...

— Значит, так. Нашим предприятием, общественной организацией по изучению ужасного народного фольклора, «КиТ»...

— Знаешь, Тоска, надо было лучше нам назваться не «КиТ», а «ТиК», — веселился я. — «Тоска и Куропяткин». «КиТ» это что-то большое, величественное. А «ТиК» — это как раз про нас...

Я изобразил тик. Но не в одном глазу или, к примеру, на щеке, а во всём теле. Задрожал, затрясся и стал сползать на пол.

— Прекрати! — Тоска стукнула кулаком по стене. — У меня серьёзное дело, а ты кривляешься! Нами заинтересовались журналисты. Причём не местные, а представители центральной прессы!

— Это которые в центральные газеты свои вкладыши вечно подсовывают? — с усмешкой спросил я. — Так ведь недавно про меня статья была...

— Ну и что, что была? Ты совсем не думаешь о рекламе. А реклама — это двигатель... Двигатель всего! Чем больше статей, тем лучше!

Эдуард Веркин

Тут Тоска была права. Не то чтобы мне была нужна реклама в коммерческих целях, нет. Но реклама для придания общественного веса — это совсем другое дело. От такой рекламы я бы не отказался.

— Хотят познакомиться поближе, — рассказывала Тоска. — Может, даже документальный фильм снимут.

— Ну, пусть приходят знакомятся. Я им расскажу... чего-нибудь. Для документального фильма.

— Им не просто поболтать хочется. Им хочется поучаствовать. Репортаж написать. Я ему рассказала...

Я снова встал, то есть сел на диван, и осуждающе посмотрел на Тоску.

— Тоска! Ну почему тебя всё время тянет с кем-нибудь потрепаться о наших делах? А? Ты же знаешь, чем меньше посвящённых, тем лучше. Сколько раз я тебе об этом буду говорить!

Тоска улыбалась. Видимо, она предвидела мою реакцию.

Ночь летающих гробов

— Мыслить надо масштабно и перспективно, — начала Тоска. — А ты этого, к сожалению, делать не умеешь. Центральная, пусть даже вкладышевая, как ты говоришь, пресса — это уже серьёзно. Это реклама. Это слава и известность. Это, я думаю, объяснять не нужно? И потом — они заплатят целую тысячу.

— Тысячу? — спросил я.

Деньги никогда лишними не были. Тысяча — она тысяча и есть. Я подумал с минутку и согласился с доводами Тоски.

— Надо им будет что-нибудь рассказать, — попросила Тоска. — Какой-нибудь случай...

— Расскажи последний, — предложил я.

— Это что, про паука, что ли?

— А что? Хороший случай. Я бы сказал, что даже отличный.

Случай на самом деле был отличный. Одну девочку преследовал гигантский паук. Он появлялся над её постелью каждую ночь и говорил, что если девочка уснёт, то паук

Эдуард Веркин

немедленно вцепится ей в горло. Девочка спать вообще перестала и ужасно психовала.

Я устроил засаду — и в первую же ночь обнаружил, что паук ненастоящий, резиновый. И что над девочкой прикалывался ейный же брат, на два года старше. Пошутить решил, повеселиться.

Я персонально высек этого изверга крапивой, сказав, что, если он ещё будет откалывать такие штучки, я высеку его уже солёными прутьями.

— Да, Резиновый Паук пойдёт. — Я закинул руки за голову и снова разлёгся на диване. — Поведай миру про этот скорбный случай, повергни мир в ужас...

— У тебя большое чувство юмора, ты знаешь?

— А у тебя... А у тебя...

Я хотел сказать что-нибудь обидное, проехаться по теме внешности Тоски или по теме мозгов...

Но сказать обидное мне не удалось. Неожиданно заиграла классическая музыка в эдаком фальшивом электронном варианте.

Я даже вздрогнул — никак не могу окончательно привыкнуть к этим дурацким сотовым телефонам.

Тоска сделала серьёзное лицо и удалилась на кухню. Видимо, звонок был по делу. Она придумала для себя одну хитрость. Теперь, когда ей звонили её дурацкие подружки, звучала весёлая песенка из мультика, когда просто знакомые — незамысловатая мелодия из памяти телефона, когда родители — жуткий звук, напоминающий то ли игру расстроенной скрипки, то ли работу ножовки по металлу. До сих пор теряюсь в догадках, где Тоска могла раздобыть подобный визг, может, в самом деле на лесопилке?

Ну, а классическая музыка, по её мнению, должна была настраивать на серьёзную работу. Классическая музыка обозначала все звонки с неизвестных телефонов. Или с тех, что по делу.

Кстати, под какой мелодией был записан я, выяснить, к сожалению, не удалось.

Пока я лежал и раздумывал, какую музыку Тоска мне прицепила: зевание, ржание

Эдуард Веркин

или лягушачье кваканье, — сама Тоска в задумчивости стояла на пороге комнаты. Шумно втягивая и выпуская воздух. Определённо Тоска о чём-то напряжённо думала.

Я хихикнул.

— Напрасно смеешься, Куропяткин. У нас дело. Работа.

Я почувствовал прилив сил. Работа есть работа, работать я люблю, хотя по природе своей я всё-таки лодырь. Мне нравится состояние, когда всё только начинается, нравится предвкушение того, что мне сейчас в руки попадёт тайна. Дело, которое надо будет распутывать, над которым придётся ломать голову.

— Излагай, — сказал я Тоске, и мы уселись за стол.

На столе у меня специально припасены бумага, карандаши, фломастеры и даже один настоящий позолоченный самописец. Необходимо подробно записать суть дела, если потребуется — даже что-то зарисовать. Так будет наглядней и проще потом разбираться.